

Мордовцев Даниил Лукич

Ванька Каин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18   **Даниил Лукич М.**
Ванька Каин / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
193 с.

ISBN 978-5-519-97384-7

ISBN 978-5-519-97384-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

прожитыя Римомъ эпохи отъ нашествія галловъ и отъ спасенія Рима гусями, то и русскій народъ, въ разныя эпохи своего существованія, бралъ началомъ своего лѣтосчисленія то «злую татарщину», то «лихолѣтье» начала XVII столѣтія, то московскій пожаръ, то, наконецъ, «первую холеру» и т. д. Точно такъ и по отношенію къ выдающимся личностямъ, къ болѣе или менѣе крупнымъ единицамъ изъ своего прошлаго, народная память относится не менѣе своеобразно: она большею частью останавливается не на свѣтлыхъ личностяхъ, которыхъ общественная дѣятельность, или личные нерядовыя качества, или слѣпое счастье, высоко поднимало надъ общимъ уровнемъ, но большею частью на личностяхъ иного закала—или на тѣхъ, которыхъ воля, зло направленная, и память по себѣ оставила недобрую, или на тѣхъ, которые своими страданіями купили себѣ право на народную память, или же заслужили эпическіе когномены «несчастненькихъ».

Особенность эта до того присуща народной памяти, что если бы историческіе народы не

имѣли писанной исторіи, то устная народная исторія большею частью группировалась бы или вокругъ нѣсколькихъ событій, и непременно такихъ, которыя поразили страну какимъ-нибудь особеннымъ бѣдствіемъ, или вокругъ нѣсколькихъ именъ, которыя страна могла бы лишь оплакивать. Изъ памяти народа временемъ вытравливается большею частью все, что приносило ему добро; но то, что приносило зло или само страдало, крѣпко засѣдаетъ въ народной памяти и не вытравливается ни временемъ, ни другими событіями: память эта иногда только переноситъ извѣстныя событія изъ другихъ эпохъ къ своимъ почему-либо излюбленнымъ личностямъ, и эти личности—не герои, не благодѣтели его, а какойнибудь «воръ Гаврюшенька» или «раз...сынъ комаринскій мужикъ». Въ устной народной памяти почему-то еще удержались представленія о Владимірѣ и его богатыряхъ, но все остальное, все, что проходило потомъ по русской землѣ, въ теченіи многихъ столѣтій—все это вычеркнуто изъ устной народной исторіи, и удерживается почему-то одинъ

Мамай, нѣчто въ родѣ народа-великана, который оставилъ по себѣ память: на землѣ курганы по всей обширной области русской—это «мамаевы могилы», а на небѣ—слѣды своего страшнаго прослѣдованія черезъ русскую землю—это млечный путь, «мамаева дорога»; осталось еще кое-гдѣ въ разсказахъ имя Ивана Грознаго, туманное представленіе о которомъ, однако, почти ужъ вытравлено временемъ. Изъ исторіи смутнаго времени народомъ все вычеркнуто, и Годуновъ, и его красавица - дочь Ксенія, и Шуйскій - царь, и царевичъ-Димитрій, и нѣкогда славный и наиболѣе любимый народомъ герой Скопинъ-Шуйскій, а удержались только имена «Гришки Отрепьева» да «Маришки-безбожницы».

Народная память сохранила собственно шесть именъ, которыя въ представленіяхъ народа стоятъ какою-то отдѣльной группою, и если упоминается одно изъ этихъ именъ, то затѣмъ немедленно слѣдуетъ представленіе объ остальныхъ пяти, которыя въ народной памяти, по-видимому, и не могутъ быть отдѣляемы одно

отъ другого. Имена эти—Стенька Разинъ, Ванька Каинъ, Гришка Отрепьевъ, Маришка-безбожница, Ивашка Мазепа и Емелька Пугачевъ. Замѣчательно, что въ эту странную плеяду попало и имя Ваньки Каина. Пишущій это еще въ раннемъ дѣтствѣ слышалъ въ народныхъ разсказахъ всѣ эти шесть именъ совмѣстно упоминаемыми, и Ванька Каинъ никогда не отдѣляется отъ именъ остальныхъ пяти личностей. Къ этому, повидимому, необъяснимому факту, мы полагали бы возможнымъ приложить такую историческую коньектуру.

Во всѣ времена, противъ враговъ церкви, государства и общественнаго спокойствія, церковь употребляла духовное оружіе, наказаніе—это или отлученіе отъ церкви или проклятіе, анаѰема. АнаѰематствованіе имѣло мѣсто въ первыя времена христіанства, когда враги церкви могли быть особепно опасны, тѣмъ, что колебали только-что входящія въ народное сознаніе христіанскія вѣроученія: такъ былъ проклятъ Аріій и многіе другіе противники освященныхъ вселенскими соборами догматовъ христіанства.

Анаѳематствованіе всегда имѣло мѣсто и въ католической церкви, гдѣ сохранилось и до сихъ поръ. Анаѳематствованіе принято было и православною россійскою церковью, которая въ разныя времена и предавала анаѳемѣ такихъ враговъ государства и церкви, какъ Дмитрій-Самозванецъ и ему подобные... Анаѳемѣ былъ преданъ и Стенька Разинъ, и Мазепа и другія личности, о которыхъ мы не упоминаемъ. Въ прошломъ вѣкѣ, уже во второй его половинѣ, анаѳемѣ преданы были убійцы Амвросія, архіепископа московскаго и калужскаго, растерзаннаго возмутившейся московскою чернью. Анаѳема обыкновенно возглашалась въ церкви, и притомъ въ извѣстные дни, слѣдовательно, при наибольшемъ стеченіи народа. Анаѳема возглашается и въ настоящее время, ежегодно въ предѣлю православія. Въ этотъ день народъ вездѣ съ особеннымъ любопытствомъ стремится попасть на архіерейское служеніе, при которомъ и совершается анаѳематствованіе.

Церковныя возглашенія всегда имѣли для народа особенное значеніе, переходившее въ оба-

яніе: кромѣ анаѳематствованія, въ перквахъ возглашаются манифесты обо всѣхъ важныхъ событіяхъ въ государствѣ; въ церквахъ же народъ слышалъ и возглашеніе о дарованной ему свободѣ. Все, поэтому, что возглашается въ церкви съ особенной торжественностью, глубоко западаетъ въ память народа-младенца. Вотъ почему, между прочимъ, онъ самъ особенно торжественностью обставляетъ свои легендарные рассказы о лицахъ анаѳематствованныхъ, о такихъ, какъ Стенька Разинъ или Емелька Пугачевъ, которыхъ, будто бы, земля не принимаетъ и которые до сихъ поръ ходятъ по землѣ, какъ еврей Агасѣеръ, «вѣчный жидъ», не хотѣвшій помочь Христу нести тяжелый 'крестъ на Голгофу; и вотъ почему народъ до сихъ поръ убѣжденъ, что въ недѣлю православія проклинаютъ Стеньку Разина, Григорія Отрепьева, Емельку Пугачева, Ивана Мазепу, Маришку-безбожницу и непременно Ваньку Каина, которыхъ земля не принимаетъ на вѣчное успокоеніе.

Ванька Каинъ собственно потому, можетъ

быть, попалъ въ число помянутыхъ историческихъ личностей, которыхъ безсмертіе въ народѣ отчасти укрѣплено анафематствованіемъ, что народъ, по сходству именъ, смѣшалъ московскаго Ваньку Каина съ библейскимъ Каиномъ, котораго, перваго убійцу на землѣ, за убіеніе брата Авеля, земля не принимала.

А у народа подобныя смѣшенія или перенесенія историческихъ именъ и событій на другія бываютъ нерѣдко, какъ напримѣръ, онъ перенесъ свои языческія понятія о до-христіанскихъ богахъ на имена уже христіанскихъ святыхъ, какъ цѣликомъ перенесъ понятіе о богѣ Волосѣ на св. Власія, покровителя животныхъ, громовержца Перуна перенесъ на пророка Ілію и т. д.

При всемъ томъ, нельзя не признать за Ванькой Каиномъ и нѣкоторыхъ другихъ качествъ, которыми онъ завоевалъ себѣ народную память: онъ, дѣйствительно, былъ до нѣкоторой степени героемъ голытьбы; вся жизнь его посвящена была воровству и мошенническимъ продѣлкамъ, — а голытьба, сама по необходимости ворующая и вырабатывающая себѣ свой собственный ко-

декъ нравственности, свои собственныя уложенія о наказаніяхъ, о правахъ состоянія, о правѣ собственности, не могла не видѣть въ Каинѣ героя своего ремесла, личность даровитую съ точки зрѣнія голытьбы, олицетвореніе беззавѣтнаго удалства, эническаго молодечества, того молодечества, которымъ народный эпосъ обставилъ и Ермака Тимофеевича, и Стеньку Разина, и «понизовыхъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ», «воровскихъ казаковъ», «славныхъ разбойниковъ» и «поволжскихъ бурлаченъ», эту «голь кабацкую».

Нельзя не признать исторической достовѣрности за фактомъ, что народъ, не безъ уважительныхъ поводовъ, вноситъ въ циклъ своего историческаго эпоса нѣкоторыхъ избранниковъ, повидимому, не всегда чистыхъ и безукоризненныхъ, съ точки зрѣнія общепринятаго пониманія законовъ человѣческой нравственности, но такихъ, которыхъ дѣянія, гармонируя съ воззрѣніями голытьбы, дѣйствовали на ея творческое воображеніе, или которые за что-либо пострадали и къ которымъ народъ могъ прило

жить любимый свой эпитетъ «несчастненькихъ». Князя «Владимира ясно-солнышко» онъ излюбилъ болѣе другихъ русскихъ князей и единственно его только поставилъ центромъ всего своего эпоса потому, можетъ быть, что Владимиръ, ируя съ богатырями Добрынями да Ильями Муромцами, въ то же время, по свидѣтельству лѣтописи, выставлялъ на улицахъ и площадяхъ столы съ яствами и питіями для нищей братіи», для «калѣкъ переходящихъ», для слѣпцовъ и для всей голытьбы древне-русской. Другой любимецъ народа—страшный царь Иванъ Грозный получилъ свое мѣсто въ народномъ эпосѣ, потому что, систематически давя своей опричниной княжескіе и боярскіе роды, онъ тѣмъ самымъ, по народному выраженію, на его колеса лилъ воду и, травя бояръ, зашитыхъ въ медвѣжьи шкуры, собаками, онъ, какъ народу казалось, самъ-то лично его не трогалъ. Стенька Разинъ народъ посвятилъ, можно сказать, цѣлая рапсодіи въ своемъ эпосѣ, потому что этотъ Стенька въ «казацкій кругъ не хаживалъ, съ стариками думы не думывалъ, а ду-

малъ думушку съ голытьбою, съ голью кабацкою» и эту голь повелъ онъ на добычу, обѣщая ей побить всѣхъ бояръ и сдѣлать всѣхъ равными. Переходя къ новому историческому времени, мы находимъ, что народъ обезсмертилъ своимъ эпическимъ творчествомъ уже въ XVIII вѣкѣ «Ваню Долгорукова» за то, что онъ былъ «несчастненькій» и, умирая на плахѣ, золотымъ перстенькомъ дарилъ палача, чтобы онъ скорѣе снялъ съ него буйную голову и не портилъ бы его могучихъ плечъ; обезсмертилъ и «короля прутскаго» за то, что «разнесчастненькій, безталанненькій король прутской, ничего-то онъ, король, не знаетъ про свою армеюшку, что ушла подъ француза», а «французъ прислалъ ему газетушки невеселыя, подъ черной печатью»; обезсмертилъ и Захара Григорьевича Чернышева, который тоже сидѣлъ въ «темной темницѣ», въ «распроклятой заключеницѣ; обезсмертилъ и довскаго генерала Краснощекова, съ котораго татары съ живого кожу содрали, «да души его не вынули».

Ванька Каинъ въ народномъ сознаніи подхо-